

**ВНЕ
АМПЛУА**

**БЫТЬ КИНОЗВЕЗДОЙ
ПОЧЕТНО, НО
НЕОБЫЧАЙНО
ТРУДНО. ЧТОБЫ
СТАТЬ ЕЮ,
НЕОБХОДИМЫ
НЕ ТОЛЬКО
КРАСОТА
И БОЛЬШОЙ
ТАЛАНТ, НО
МОГУЧАЯ ВОЛЯ,
НЕПОГРЕШИМОЕ
ЧУТЬЕ И ДАЖЕ
ПОРОДА. ВСЕМИ
ЭТИМИ КАЧЕСТВАМИ
В ПОЛНОЙ МЕРЕ
ОБЛАДАЕТ МОЯ
СОБЕСЕДНИЦА.**

**Анастасия
ВЕРТИНСКАЯ:**

„Отец — самая сильная моя любовь“

— Анастасия Александровна, Ницше однажды сказал, что женщина к дружбе не способна, ей ведома только любовь. Ваше отношение к этой мысли великого философа?

— А, конечно же, не Ницше, но тоже имею свое мнение и, наоборот, к дружбе предрасположена необыкновенно. Характер у меня покладистый, верный. Я никогда не предаю друга, могу многим для него пожертвовать.

— А как вы относитесь к другой нестандартной мысли о том, что книг и друзей должно быть немного, но хороших?

— Мне кажется, эта мысль любому предельно понятна и естественна. Разделяю ее целиком и полностью. И книг любимых у меня мало, и любимых друзей немного.

— Странно. Мне казалось, что у вас очень много друзей. Вы всегда окружены самыми интересными и незаурядными людьми, каких только можно себе представить.

— В моем окружении, пожалуй, нет ничего особенного. Ведь это же кино! И я вращаюсь в кругу известных, популярных и просто замечательных актеров — этой маленькой вселенной нашего кинематографа. Что же касается режиссеров, то мне, наверное, действительно повезло, потому что довелось работать с замечательными мастерами: Ефремовым, Эфросом, Козинцевым, Бондарчуком, Данелией. Порой в небольших ролях, но все же. Это была очень хорошая школа.

— Анастасия Александровна, как известно, у вашего отца было четыре странности. Александр Николаевич Вертинский не любил смотреть кино, слушать радио, ждать поездов и давать интервью. На мой взгляд, четвертая странность в вашей семье передается по наследству. Как обстоит дело с остальными?

— Видите ли, что касается интервью, которые мой отец якобы не любил давать, то это результат того, что о нем в Советской России почти не писали. Как певец он имел колоссальную популярность, залы на гастролях были переполнены. Но пресса молчала, как будто бы его и не было. Есть у него даже письмо на эту тему... И наоборот, будучи в эмиграции, он давал интервью, полные остроумия и блеска. Тем более, на Западе не делают интервью с актерами так, как его делают у нас. На Западе актер не пускает репортера в свою жизнь. Часть биографии он просто камуфлирует, понимаете? И отец был как раз из таких. Он не мог просто рассказать, что шел по лугу и сорвал цветок. Отец не мог не выдумать на основе этого эпизода целой истории — как он шел по полю, вдруг на глазах у него раскрылся необыкновенный цветок, на него села бабочка и так далее. У отца была необычайно богатая

творческая фантазия. И это не означало, что он врет. Нет! Просто ему было скучно пересказывать голые факты.

А радио слушать я действительно терпеть не могу, не знаю, откуда у меня это. Наверное, в самом деле перешло по наследству. С кино сложнее. Очень люблю Тарковского, Висконти, Бертолуччи, Феллини, современные американские фильмы, но другой кинопродукции обычно избегаю. Нечасто просматриваю даже свои фильмы. А ждать поездов, согласитесь, не любит никто.

— Припоминаю одно письмо вашего отца. Александр Николаевич упомянул в нем, что его маленькая любимая Настенька вдруг обзвала папку дураком, и он был просто потрясен вашей наблюдательностью. Чем вызвана столь резкая критика любимого папы?

— Конечно же, я не помню, почему так говорила. Слишком была маленькая, чтобы запоминать подобные случаи. Но могу сказать, что была безумно равнодушна к своему отцу, ибо он человек необыкновенно добрый, обаятельный и обладавший колоссальным чувством юмора. В детстве у меня был сложный характер. Я была девочкой упрямой, злопамятной и очень ревновала отца. Наверное, он — единственная сильная любовь к мужчине в моей жизни. Вторая любовь у меня к сыну, но она несколько другая. Александр Николаевич очень страдал от моих сцен ревности. И если у сестры Маши случался день рождения, он был вынужден дарить точно такую же куклу и мне. Иначе я просто сходила с ума! Однако если Маше при этом доставалась кукла в розовой юбке, а мне в голубой, то все равно я чувствовала себя обделенной.

— Александр Николаевич называл вас с сестрой «своими воробушками». В один из дней рождения Марианны он собрал на крыше воробьиное племя и угостил булкой. Ваши дни рождения тоже отмечались каким-нибудь особым способом?

— К сожалению, мы очень редко видели отца дома, потому что, приехав в Союз, он давал огромное количество благотворительных и прочих концертов. Отец жадно, да, жадно гастролировал. Ему было тяжело и физически, и морально уезжать и подолгу жить вне дома. И в те редкие дни, когда мы его видели, просто не отрывались от него, во всяком случае я не отрывалась. Меня никогда не гнало на улицу, если отец был дома. Не все мои дни рождения отец встречал вместе с семьей, но всегда писал письма, звонил, посылал подарки. Папа всегда волновался, как прошел мой день рождения, все ли было хорошо, было ли мне весело.

— В книге воспоминаний о вашем отце я разыскал еще один забавный эпизод. Перед походом на майскую демон-

страцию вы с сестрой повздорили и в запале пообещали всегда носить красный галстук и даже спать в нем. Вы сдержали слово?

— Нет, не сдержала. Мало ли чего в детстве, да еще в запале скажешь. Вечером, так заведено было в нашей семье мы становились на колени, лицом в тот угол комнаты, где висела икона, и молились Господу Богу. И только потом, безо всяких галстуков, мы с сестрой ложились спать.

— Но пионеркой вы все же были. Не приходилось ли скрывать, что вы, кроме того, еще и верующая девочка? Ведь если бы в школе пронюхали, могли последовать крутые неприятности.

— Знаете, никто не интересовался, верующая я или нет. Крестик же я в школу не носила, бабушка не разрешала. Потом, когда стала взрослее, сама не захотела молиться Богу. Мне казалось это стыдным и вообще глупостью. Родители не настаивали на обратном, потому что видели, как мое пионерское сознание при одной только мысли о вечерней молитве густо краснело. Но потом, став взрослым и сознательным человеком, начала ходить в церковь и как бы вернулась к религии, потому что без нее очень тяжело жить.

— Чем занимается ваш сын?

— Учится на высших режиссерских курсах. Думаю, рано еще говорить, будет ли он профессионалом и настоящим мастером своей профессии.

— Вы производите впечатление отнюдь не легкомысленного человека, а вам никогда не хочется почувствовать себя маленькой Настей с косичками и от души поддураться?

— Дурачиться не люблю. Наверное, такой у меня характер. С другой стороны, я вовсе и не мрачная пессимистка. По гороскопу я Стрелец, знак достаточно сложный, люблю действие, активную жизнь и смотрю на нее достаточно серьезно и трезво. И я никогда не делаю через силу того, что мне не очень-то нравится. Например, я долгое время не играла в кино, потому что мне не нравились предлагаемые роли.

— Из самых достоверных источников я знаю, что вы прекрасная хозяйка. Быть может, мой вопрос покажется вам кощунственным сегодня, однако скажите, какой из национальных кухонь вы отдаете предпочтение?

— Поскольку бабушка по происхождению сибирячка, а замуж вышла за грузина, то в доме были популярны сибирская и грузинская кухни. Конечно, присутствовали и традиционно русские блюда. Однако я предпочитаю сибирскую и русскую кухни грузинской. Никогда не готовлю точно по рецепту, а всегда экспериментирую. Для меня готовка — процесс воистину творческий! Потому что, ес-

ли не экспериментировать, стряпней было бы очень скучно заниматься.

Кстати, именно с делами кухонными связана одна занятная и не вошедшая ни в какие воспоминания семейная история. На кухне всегда у нас царила бабушка. Но как-то мама перехватила инициативу и взялась сама приготовить мясо. Она пригостила очень вкусное жаркое, но, как не имеющая постоянной практики хозяйка, не протушила его как следует и немножко пережарила. Мясо получилось жестковатым. Мама очень переживала, но отец, желая поддержать ее, героически жевал и приговаривал: «Что ты, очень вкусные мясные сухарики!».

Быть хорошей хозяйкой в наши дни стало трудно. На добычу продуктов уходит масса времени, а я не могу позволить себе такой роскоши, поэтому решила посадить и гостей, и домашних на своеобразную диету.

— Неужели вы, кинозвезда, ходите по улице с банальной кошечкой? Люди, наверное, узнают, оборачиваются?

— Да, так с сумками и хожу. Что же мне еще остается? Знаете, я думаю, что у каждого из нас есть два пути. Либо начать злиться и раздражаться, чего я очень боюсь, потому что злоба необычайно уродует человека и даже отражается на его внешности. В этом отношении «Портрет Дориана Грея» поистине пророческое произведение. Здесь у меня срабатывает инстинкт самосохранения, и, кроме того, я убеждена, что не вправе демонстрировать с экрана настоящие глаза, плотно сжатые губы и каменный подбородок. Если продолжать ругаться и злиться, все равно ничего не изменится, мы только навредим друг другу. Поэтому я и стараюсь себя не очень-то взвизгивать. Слава Богу, у меня есть в жизни отдушину — моя прекрасная профессия, которая компенсирует все житейские неурядицы. Когда я снимаюсь, играю, то полностью ухожу в работу и даже обретаю определенный душевный комфорт.

— Если быть точным, то вы, стараясь сохранить свой внутрененный мир, попросту эмигрируете в себя?

— Да. Приходит состояние, когда уже все равно, что есть и что пить. Остается творческий процесс, работа, а житейские неурядицы отключиваются на второй план.

— Скажите, а не думали ли вы эмигрировать в прямом смысле этого слова?

— Эмигрантом был мой отец, и те страдания, которые он пережил, находясь вдали от родины, я не пожелаю и врагу. В нашей семье об этом хорошо помнят. Я не представляю себя без России, здесь моя жизнь, моя судьба...